

ПАЛАТА БЕЗ ПАМ'ЯТИ

СОФІЯ СЛАДКОВА

София Сладкова

Палата без пам'яті

«Автор»

2026

Сладкова С.

Палата без памяти / С. Сладкова — «Автор», 2026

Эйприл уверена, что попала в реабилитационный центр после автокатастрофы, в которой погиб её муж, и теперь пытается прийти в себя среди холодных стен и равнодушных лиц. В этом мрачном месте её поддерживают заботливый санитар Дел и насторожённая пациентка Эмма, а доктор Саммерс шаг за шагом вскрывает прошлое, но чем яснее становятся факты, тем сильнее путается сознание героини, и грань между реальностью и вымыслом тает. Постепенно Эйприл сталкивается с шокирующей правдой: за фасадом лечения скрываются куда более страшные события. Ей предстоит принять истину, способную окончательно сломать её, и решить, сможет ли она жить с тем, что на самом деле произошло.

© Сладкова С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Дорога.	6
Конец ознакомительного фрагмента.	11

София Сладкова

Палата без памяти

Палата без памяти

Глава 1. Дорога.

- Ты готова, милая? Через несколько минут выезжаем. – поторопил меня Джошуа из кухни.

- Ты уверен, что ехать в ночь – хорошая идея? – спросила я мужа.

- Мы очень долго ждали этой поездки, лучше нам поехать сейчас, чтобы к утру быть на месте. – ответил он.

Вещи были собраны, мы положили их в багажник. Собираясь во Флориду почти на месяц, я боялась, что денег может не хватить, поэтому мы решили поехать на своей машине, чтобы не тратить средства на билеты.

Наш запоздалый отпуск ждал нас на песчаном берегу Флоридского залива. Я мечтала об этой поездке еще до того, как мы поженились, и как только поднакопилось нужное количество денег, я тут же спланировала наше путешествие. Мы сели в машину и выехали из гаража. Я взглянула на часы: 22:03.

Как только мы отъехали от дома, я сразу поняла, что погода испортится. Внутри что-то подсказывало: не нужно ехать, но я прогоняла эти мысли прочь, по крайней мере, старалась.

- Слышишь? – меня немного напугал раскат грома вдалеке. – Все-таки нужно было остаться.

- Я не в первый раз за рулем, Эйприл. Не волнуйся.

Выехав за черту города, Джошуа набрал скорость до 110 км/ч. Впереди сверкала молния и освещала густые тучи, по которым на миг можно было заметить, что капли дождя уже покидают небо, вертикально расплываясь мутной пеленой. Мне казалось подозрительным, что кроме нас на дороге не было машин, и лишь далеко стоящие друг от друга фонари освещали наш путь.

Капли застучали по машине. Сначала тихо, потом все сильнее и сильнее, а вскоре превратились в настоящий ливень, и дворники не успевали сгонять воду с лобового стекла, видимость дороги ухудшалась с каждой минутой.

- Давай остановимся? Я прошу тебя, давай переждем дождь на ближайшей заправке! – тревожно и настойчиво просила я.

- Хорошо. – немного раздраженно ответил Джошуа.

Мы остановились возле магазина на заправке, но там не было ни души. Хотя она нам не показалась заброшенной. Сидя в машине, тем для разговоров не приходило в голову, нас тянуло ко сну, Джошуа сидел, скрестив руки на груди, и, полусонный, пытался меня обвинить в том, что я зря задерживаю наш путь. Перед тем, как закрыть глаза, я снова взглянула на часы: 01:35. В тот момент мне показалось, что время было неправильным, ведь выехали мы не позже часа назад.

Я проснулась от заведенного двигателя, уже светало, и Джошуа снова выехал на трассу. Дорога была охвачена густым туманом, поэтому ехать было так же небезопасно, как и при дожде.

Я вдруг почувствовала что-то неприятное, вроде тревоги и подсознательной паники.

- Может, стоит сбавить скорость? – сказала я.

- Там должен быть поворот, но навигатор его не показывает, – будто не слыша меня, пробормотал Джошуа.

И вдруг я услышала жуткий шум, голова загудела, и меня ослепил свет фар нашей машины...

Я не помню ничего из того, что случилось потом, помню только, что смотрела на нас со стороны, будто с обочины... Но лиц я не видела, это было похоже на сон, который уже почти отпускает подсознание, и ты вот-вот откроешь глаза. Потом темнота.

Сейчас я лежу в огромной палате реабилитационного центра «Бренчстоун» в родном штате Северная Каролина. Белые стены моей палаты навевали страх и безысходность. Руки и ноги онемели, я ничего не могу вспомнить, кроме того факта, что мой муж погиб. Лучше я бы этого тоже не помнила. Медсестры с окаменевшими лицами изредка подходят и делают мне укол, вводят какие-то лекарства, о которых я понятия не имею. Сколько времени прошло? Как долго я здесь нахожусь?

Глава 2. Больница.

Первые дни мне казалось, что я не существую. Я не могла говорить, двигаться, испытывать эмоции. Лишь во сне возникали какие-то краски, сотканные из воспоминаний, хороших или плохих, чувств, когда-то затмевавших сознание, картинок, лиц, пейзажей... Мне не хотелось просыпаться, но вскоре даже это единственное светлое начало меня покидать, меня стали мучить бессонницы. А вы знаете, что это такое? Знаете, как невыносимо становится ощущать себя, обездвиженную, в темной одиночной палате по ночам, уставившись в потолок и прислушиваясь ко всем окружающим звукам, тошно даже дышать.

Мне давали снотворное около двух раз в неделю, с каждым разом увеличивая дозу, хотя это совсем неправильно с точки зрения медицины, но другого выхода для меня не было.

Я была вынуждена находиться здесь, так как получила черепно-мозговую травму, вследствие которой была поражена опорно-двигательная система. Я не могла нормально двигаться, питаться, разговаривать, но при этом я абсолютно все понимала. И как же было невыносимо осознавать себя беспомощной и жалкой. Хотя медсестры каждый раз мне говорили, что я очень быстро выздоравливаю.

Время шло, я понемногу восстанавливалась, учась сначала сидеть, затем поворачивать головой, шевелить руками и ногами, врачи постоянно приходили проверять зрение, слух, внутренние органы, различные виды физиотерапии продолжались по несколько часов. Затем я понемногу начала говорить отдельными фразами, хотя мне казалось, что мысли в моей голове развиваются намного стремительней, чем речь, и из-за этого получалась абсолютная каша. Санитары вывозили меня на улицу на инвалидной коляске и помогали передвигаться по больнице. Пока я находилась в таком состоянии, мне ничего не оставалось делать, как внимательно запоминать все увиденное глазами. Я становилась очень наблюдательной и запоминала всю обстановку здесь.

Реабилитационный центр «Бренчстоун» находился в двух часах езды от моего родного города Гринсборо. Природа здесь была чудесная: эти холмистые равнины навевали мысли о когда-то утерянной свободе. Большие, высокие, раскидистые дубы, клены, разноцветные кустарники – все шептало мне о прошлой жизни, которая была у меня так недавно с Джошуа.

А вот само здание угнетало, очень сильно угнетало. Оно было трехэтажным из темно-красного кирпича с очень высокими потолками на каждом этаже. Огромные коридоры и мрачные лестницы, общие душевые с обшарпанными стенами и трещинами на плитке на полу, туда даже заходить не хотелось. На первом этаже находилась столовая, она была справа вместе с кухней, а напротив по коридору находились кабинеты врачей. Перед входом располагалась регистратура, пол там был выложен черно-белой плиткой, похожей на шахматную доску.

Второй этаж был полностью сделан для пациентов. Палаты, в каждой из которых было всего одно окно, находившееся очень высоко и к тому же прикрыто жалюзи. Туалет с раковиной и зеркалом находились прямо в палате, и больше нечего сказать, белые стены и односпальная кровать посередине, рядом с которой находится столик для препаратов и процедур. Все лекарства нам приносили санитары, так что на этом столике всегда было пусто. А на третьем этаже находились: комната санитаров, игровой зал с шахматами и книжным шкафом, там еще стоял старый проигрыватель, из которого доносились какие-то старые песни, распространявшиеся эхом по всему зданию. На третьем этаже были еще процедурные комнаты, которые я посещала каждый день, но некоторые из них всегда были закрыты, я ничего о них не знала...

Слышала только, что там находятся операционные для особо больных. Также существовало подвальное помещение, мимо которого меня провозили ежедневно, там находились нежилые палаты, из него сделали склад для продуктов, оборудования и бытовой химии.

По ощущениям прошло, наверно, полгода к тому времени, когда я уже походила на нормального человека. Я могла общаться с медсестрами и врачами, пациентами, каждый вечер перед ужином я выходила на улицу в парк, и долго там сидела в своих мыслях, дыша свежим воздухом, вспоминая свою жизнь до встречи с Джошуа, вспоминая жизнь с ним. И все мне казалось каким-то не моим, словно давно мертвым.

- Я вам не помешаю? – спросила девушка лет 25, присаживаясь на скамейку.

- Нет. – тихо ответила я.

- Вы давно здесь?

- Я не знаю, для меня время течёт очень своеобразно. – вздохнула я, с сожалением.

- Похоже, у вас проблемы со сном? В таких случаях мы обычно начинаем путать реальность и сон, они будто меняются местами.

- Да, вы в чем-то правы. Вы тоже мучаетесь бессонницей? – спросила я, пытаюсь найти в ее глазах ту же боль, что таится во мне.

- О, нет, я сплю, как убитая. – она рассмеялась. – Я Эмма, а вы, должно быть, Эйприл?

- Да, а откуда вы знаете?

- Я видела, как доктор рассматривал вашу историю болезни, выходя, судя по всему, из вашей палаты, а там было написано «Эйприл».

- А почему вы сразу поняли, что я страдаю от бессонницы?

- По вашим глазам, они будто застыли. В одном взгляде можно отыскать все. – она неловко улыбнулась.

- Вы – врач? – поинтересовалась я.

- Ах, нет, я такая же пациентка, как и вы. Но раньше я работала психологом в Гринсборо.

- Ясно. – не взглянув на нее, ответила я.

- А вы кем работали?

- Я? Я работала в сфере рекламы, а точнее, писала сценарии для рекламных роликов, которые выходили на экран.

- Интересная, должно быть, работа?

- Да, мне нравилось.

- Знаете, мне так приятно поговорить с нормальным человеком, будто я все еще живу в своем доме на Флоренс-стрит, а завтра мне снова на работу. – грустно улыбнулась она.

- Да. Мне тоже приятно.

Я взглянула на нее, ее лицо, оно было пересечено огромным уродливым шрамом, от виска до левого уголка губ. Длинные волнистые белокурые волосы прикрывали его, но мне было видно. Спросить об этом мне было неудобно, да и не мое это дело.

- А ваши родственники приезжают вас навестить? – спросила Эмма, прикрывая шрам рукой, явно пытаясь отвлечь мое внимание от него.

- У меня их нет. Я никогда их даже не знала. Выросла в приюте, точнее, в нескольких приютах. Меня отдали туда, когда мне было 2 месяца.

- Я прошу прощения, мне жаль.

- Все нормально, я и не представляю, как жить по-другому, я по-своему ценю свою судьбу.

- А может, муж? – она спросила с явно выраженным беспокойством и смущением, мне на миг показалось, что ей известно, что же произошло.

- Вы, эм, откуда вы знаете? – с неподдельной тревогой спросила я.

- Вы не подумайте ничего плохого, я просто очень внимательно слушаю разговоры врачей, мне и самой за себя неловко, я услышала только, что у вас был муж.

- Был. Он был. А я даже не смогла его похоронить. Но, надеюсь, ему сейчас лучше, чем мне. – я почувствовала, как слеза стекла по моей щеке к подбородку, я растерла ее ладонью.

- Конечно. По-другому и быть не может. – со всей душевной простотой и открытостью произнесла Эмма. – А вы знаете все подробности его смерти?

- Нет... - растерянно сказала я.

- Почему вы не спросите врачей о нем? Или о том, как вы сюда попали?

- Мне кажется, мне не хватит сил все осознать. Мне хватает мысли о том, что случилось что-то непоправимое и ужасное. Может, позже, я захочу узнать.

- Чем больше вы держите себя в неведении, тем дольше вы будете мучиться. И бессонница, кстати, от этого. – она встала и побрела вдоль по аллее.

Впервые я почувствовала страх на поверхности, он будто вылезал из-под кожи, охватывая не только мысли, но и сковывая тело. Я возвращаюсь к жизни, я начинаю снова испытывать эмоции, но почему страх?

Вернувшись в палату, я увидела молодого человека лет тридцати на вид, сидевшего на стуле напротив моей кровати, он дремал с какой-то книгой в руках. Я сначала даже не могла понять: это пациент, посетитель или сотрудник больницы. Его светлые блестящие волосы спадали на лоб, глаза были едва прикрыты, я обратила внимание на его правильные черты лица: прямой нос, в меру пухлые губы, в жизни я бы посчитала его красавцем, но только не здесь... Тут все мне кажется мертвым и черствым.

- Кхм-кхм... - закашляла я, чтобы его разбудить. Он нехотя приоткрыл глаза и приподнялся.

- Добрый день. – улыбнулся он.

- Мы знакомы? – задала я вопрос, хотя знала ответ на него.

- Не думаю, я - новый санитар для вас, ждал, пока вы придете, чтобы сделать нужные процедуры.

- А куда подевались миссис Бланш и миссис Лоуренс? – с абсолютным равнодушием спросила я, чтобы просто поддержать разговор.

- Поступили новые пациенты, они нужны в другом крыле.

- Ясно.

Он говорил так просто, так по-доброму, мне казалось, все его существо было пронизано тонким приятным светом, и он озарял эту мрачную палату своим присутствием. Как я сразу не поняла, что это санитар, ведь они все носят одинаковую форму: белая рубашка на пуговицах с коротким рукавом и белые брюки спортивного типа с двумя красными полосками по бокам.

- Эйприл, Вы сейчас находитесь на такой стадии выздоровления, что необходимо проконсультироваться у всех врачей, чтобы убедиться, что нет никаких патологий. Поэтому через полчаса я отведу вас в кабинет к мистеру Самерсу.

- Меня и так почти каждый день проверяют... а что он будет осматривать?

- Вашу психику. Он сам настоял на том, чтобы осмотр начинался именно с него, так как он убежден, что все болезни, физические или же ментальные, находятся только в нашей голове. – все с той же простотой отвечал санитар.

- А каких врачей мне нужно будет посетить еще?

- Их много: кардиолог, невролог, нарколог, гинеколог, эндокринолог, а также необходимо сдать все анализы.

Он разъяснял, зачем это нужно, какие осмотры мне предстоит пройти, в каком порядке и каким образом.

На миг в моей голове появилась мысль: этот человек так грамотно говорит, со знанием дела подходит к разговорам о медицине, так чутко ведет беседу со мной, почему он работает простым санитаром?

- Как вас зовут? – спросила я, впервые мимолетно улыбнувшись.

- Вообще мое полное имя Делрой Кеннет, но вам меня можно называть просто Дел. – взглянул он мне прямо в глаза, лучезарно улыбаясь.

Он сделал мне пару уколов, взял кровь на анализы, помог встать с постели и отвел меня в кабинет мистера Саммерса.

- Мистер Саммерс, пациентка из 204 палаты Эйприл Манлей.

- Спасибо, Дел. Проходите, Эйприл. – протягивая руку, произнес врач.

Я села в кресло, стоявшее напротив письменного стола. В кабинете было уютно, мягкая кожаная мебель, сделанная под старину, тюль и шторы на окнах, вместо холодных жалюзи, которые угнетают в палатах. Журнальный деревянный столик и несколько книжных полок с огромным количеством толстых книг. Мистер Саммерс выглядел лет на 50, он был в белой рубашке с черным галстуком, теплом замшевом коричневом пиджаке и светло-бежевых брюках. Довольно стильно, на мой взгляд. Его лицо было приятным: глаза оливкового цвета, небольшая щетина, аккуратные губы и нос. Он был стройным и высоким мужчиной.

- Здравствуйте, Эйприл, как вы себя чувствуете сегодня?

- Ничего особенного, так же, как и вчера, и позавчера.

- Скажите, как вам обстановка? Палата, столовая, еда? Парк? Пациенты, персонал? – спокойным голосом спросил он.

- Палата? Я нигде себя так отвратительно не чувствовала, как в этой палате, эти белые стены, железная, скрипящая кровать, мало света... Мне кажется, что там нет ничего живого, даже в окно нельзя посмотреть, потому что оно высоко.

- Да уж... Ну а как вам все остальное?

- На еду в столовой я вообще не обращаю внимания, даже не помню, чем нас кормят, у меня совсем нет аппетита. А вот в парке мне становится легче, я могу думать, вспоминать, общаться...

- А с кем вы общаетесь?

- Вообще с пациентами, иногда санитары очень любезно интересуются моим здоровьем. А сегодня я познакомилась с девушкой Эммой, она очень мила, несмотря на то, что иногда не чувствует такта.

- Что вы имеете в виду? – приподняв правую бровь, спросил мистер Саммерс все тем же спокойным голосом.

- Мне кажется, что она много знает обо мне, хотя не могу представить, откуда. Она сразу назвала мое имя, спросила про мужа, о котором я вообще ни с кем не разговаривала. А еще она сказала такую фразу: «Чем больше ты держишь себя в неведении, тем дольше ты будешь мучиться. И бессонница, кстати, от этого.» В тот момент мне стало не по себе.

- У вас есть соображения, почему она так сказала?

- Возможно, она проанализировала мои слова насчет того, что я не готова знать, что произошло со мной той ночью.

- Эйприл, как часто у вас случается бессонница?

- Я не знаю... может раза три в неделю...

- И вы не спите всю ночь? Что с вами происходит?

- Знаете, доктор, бессонница дома в теплой родной постели всегда можно исправить каким-нибудь занятием: фильмом, книгой, разговором с подругой по телефону, но бессонница здесь – это самый настоящий ад, когда вы слышите, как секунды застывают на часах, и время будто откидывает вас от реальности, и вы вынуждены лежать и смотреть в потолок, меня тошнит, мне хочется кричать, бежать, но я не могу. Спустя около 4-5 часов, как мне кажется, я слышу за окном пение птиц, значит, наступает утро, и я расслабляюсь. Засыпаю минут на сорок, а затем снова лежу и смотрю в потолок. Пока медсестра не придет и не сделает мне укол, а потом отведет на завтрак. – с полным отчаянием рассказала я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.